

Ладони Цзян Ханьюя обожгло болью от удара о жесткий асфальт; он мгновенно побледнел. Слезы, готовые вот-вот пролиться, задрожали на ресницах, но уголки его губ едва заметно дрогнули. Сжавшись в комок у обочины, он принялся осторожно дуть на саднившие руки, едва слышно пролепетав:

— Как больно...

Стоило словам сорваться с его губ, как слезинка всё-таки скатилась по щеке и разбилась о землю.

Цзянь Жочэнь лишь скептически приподнял бровь.

«Надо же, а Цзян Ханьюй всё-таки умеет делать выводы из собственных ошибок»

В прошлый раз, когда тот нарочито расстегнул ворот и тер руки, жалуясь на холод, ни инспектор Гуань, ни учитель Ли ему не поверили. Поняв, что этих двоих провести не так-то просто, он сменил тактику и принялся играть на публику, рассчитывая на сочувствие случайных прохожих.

— Какая жалость, — негромко произнес Жочэнь. — Нынче всё иначе.

Ханьюй замер, недоуменно вскинув голову.

«Что это значит?»

Жочэнь медленно опустился на корточки перед ним. Выждав, пока скатятся еще две слезинки, он улыбнулся, но взгляд его оставался кристально ясным и пугающе холодным.

— Цзян Ханьюй, пойми: всё, что у тебя сейчас есть, — это мой тебе подарок.

Юноша опешил, не успевая за стремительным ходом мыслей собеседника. На его бледной шее проступили напряженные жилы.

— О чем ты говоришь?! — он до боли впился ногтями в ладони.

Жочэнь с усмешкой наблюдал за тем, как лицо противника то бледнеет, то покрывается пятнами гнева.

— Мне не нужен такой отец, не нужны его грязные деньги, не нужно обожание этой своры

прихлебателей. И уж тем более мне не нужен Лу Цянь.

Он сделал паузу, чеканя каждое слово:

— Эти нечистоты мне без надобности — потому-то ты их и подобрал. Теперь понимаешь?

Лицо Ханьюя потемнело.

«Подобрал? Он смеет называть всё то, за что я боролся не жалея сил, обычными объедками?!»

Жочэнь протянул руку и слегка похлопал того по щеке.

— Как ты только осмелился распускать в университете слухи о том, что я — бастард Цзян Миншаня? В Сянгане, где права детей от вторых и третьих жен защищены законом, внебрачные дети имеют те же права на наследство, что и рожденные в законном браке.

Он прищурился, и голос его стал еще тише:

— Стоит факту моего кровного родства с Миншанем подтвердиться — и тебе придется отдать мне ровно половину всего имущества, которое ты сейчас так судорожно сжимаешь в руках.

Ханьюй вздрогнул. Ему показалось, что эти легкие прикосновения к лицу превратились в два оглушительных удара, от которых запылала кожа. Его глаза расширились от ужаса. В последнее время, упиваясь властью после спасения Лу Цяня этими восьмьюстами миллионами, он совсем потерял бдительность. Он так стремился растоптать репутацию Жочэня, что совершенно забыл: клеймо незаконнорожденного сына дает право претендовать на долю в капитале!

Губы юноши задрожали, но он не смог вымолвить ни слова.

— Впрочем, — продолжил Жочэнь, — мне не нужны ворованные деньги Цзян Миншаня. Оставь их себе, сиди и пересчитывай до посинения.

Он резко обхватил пальцами подбородок противника, заставляя его поднять голову, и вперился взглядом прямо в его покрасневшие от слез глаза.

— Цзян Миншань — только твой отец. Исключительно твой. Усвоил?

Жочэнь коротко и холодно рассмеялся:

— Чтобы больше я этих сплетен в университете не слышал.

Сердце Ханьюя зашло в бешеном ритме. Он чувствовал, что попал в ловушку, но не мог понять, где именно просчитался. Стать единственным сыном Цзян Миншаня, унаследовать всё состояние семьи, получить любовь Лу Цяня... Это ведь и было пределом его мечтаний. Он получил всё. Так почему же сейчас ему так невыносимо страшно?

Жочэнь отпустил его, и голова Ханьюя по инерции дернулась в сторону. Тот поднял глаза и, еще не успев прийти в себя, наткнулся на десятки пристальных, тяжелых взглядов. В глазах окружающих его студентов читалось что угодно: жалость, равнодушие, недоумение, — но не было и следа прежнего восхищения.

Жочэнь поднялся и, как ни в чем не бывало, протянул руку, помогая остолбеневшему Ханьюю встать. И тут же до его слуха донеслись обрывки разговоров со всех сторон.

— Так это и есть сын того самого Цзян Миншаня?

— Ага. Бедняга, ну и папаша ему достался.

— Да ладно тебе, он же всё наследство заберет. Небось, в душе-то радуется.

— Миншаня ведь к смерти приговорили? Туда ему и дорога, столько зла людям причинил.

— Организация грабежей и изнасилований... Какая мерзость. Видел репортаж из зала суда? Список его преступлений зачитывали три минуты, и конца-краю не было видно!

— Говорят, дети за отцов не в ответе, но ведь этот Ханьюй вырос на эти кровавые деньги...

— Не думаю, что он такой уж невинный.

Ханьюй почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. Он сделал шаг вперед, пытаясь возразить:

— На самом деле я не...

На самом деле он не был родным сыном Цзян Миншаня!

Жочэнь накрыл его плечо ладонью, слегка сжав пальцы:

— Подумай хорошенько, прежде чем говорить.

Голос его звучал предостерегающе.

— Ты хоть понимаешь, что будет, если ты признаешься, что не имеешь отношения к семье Цзян? Ты лишишься каждого цента. А без денег Лу Цянь, как бы сильно он тебя ни «любил», никогда не поведет тебя под венец.

У Ханьюя волосы на затылке встали дыбом. Он наконец осознал весь ужас своего положения. Цзян Миншань покрыл себя позором, и его сын разделит с ним это бесчестье. Но стоит ему отказаться от этого родства — и всё его богатство обратится в прах.

Сейчас не он хотел быть сыном этого чудовища. Это Жочэнь силой впихивал его в эту роль, не оставляя выбора.

Последние лучи заката окончательно скрылись за серыми громадами университетских корпусов. В тот же миг разом вспыхнули уличные фонари и праздничные гирлянды, оставшиеся еще с Рождества. Ханьюй, находясь на грани нервного срыва, вздрогнул и вскрикнул от неожиданности. Оступившись на краю бордюра, он едва не упал, но Жочэнь вовремя подхватил его под локоть.

Оказавшись на ногах, юноша поспешно вырвал руку. Слово «спасибо» застряло у него в горле. Они ведь только что окончательно сорвали маски, почему Жочэнь помог ему?

— Теперь у тебя есть всё, чего ты так жаждал, — негромко произнес Жочэнь. — Ты счастлив?

Огни фонарей золотили кончики волос Жочэня, и в этом неверном свете лицо его казалось неземным, словно у прекрасного, но опасного лесного духа. Днем он был просто ослепительно красив, но сейчас его облик приобрел какую-то пугающую, почти гипнотическую глубину.

Ханьюй невольно отшатнулся. Раньше он до безумия завидовал красоте брата, но теперь это лицо внушало ему суеверный ужас. На него смотрел прекрасный демон, от взора которого хотелось бежать без оглядки.

Гуань Инцзюнь стоял рядом, не в силах отвести взгляд от Жочэня.

Ханьюй не выдержал. Он закусил губу, и из его глаз брызнули настоящие, горькие слёзы. Вспоминая ту комедию, которую он разыгрывал на земле всего пару минут назад, он чувствовал лишь жгучий, невыносимый стыд. Теперь понятно, почему никто не бросился его утешать. Понятно, почему Жочэнь сказал, что нынче всё иначе.

Жочэнь отвел взгляд от поверженного противника и повернулся к Инцзюню:

— Идемте. С кем вы хотели меня познакомить?

Сэр Гуань, глядя на его легкую улыбку, ответил чуть охрипшим голосом:

— Это мои коллеги. Поужинаем вместе.

Жочэнь отошел на несколько шагов, но потом, словно что-то вспомнив, обернулся:

— Не забудь: никаких сплетен. Потрудишься всё опровергнуть.

Не дожидаясь ответа, он помахал Ханьюю рукой и легко зашагал к воротам университета рядом с Инцзюнем. Казалось, тот жесткий разговор, который только что состоялся, не оставил на нем и следа.

Гуань Инцзюнь смотрел на то, как ветер треплет волосы юноши, и чувствовал, как перехватывает горло. Сколько бы он ни знал Жочэня, тот всё равно оставался для него загадкой. Умный, живой, невероятно обаятельный, мастерски владеющий эмоциями и в то же время способный на почти беспощадную решительность.

— Почему ты всё-таки хочешь в полицию? — спросил Инцзюнь, забирая у юноши сумку и небрежно перекидывая её через плечо. — Помимо мечты о всеобщем благоденствии, есть какая-то личная цель?

Жочэнь искоса взглянул на него:

— Решили заняться сбором личной информации?

Инцзюнь ответил прямо и честно:

— Именно.

— Если о личном... — Жочэнь вздохнул. — Хочу увидеть Цзян Ханьюю и Лу Цяня за решеткой.

Честно говоря, это желание появилось у него еще во время чтения книги.

— А если еще точнее, то моя цель — законная месть. Хочу, чтобы они на собственной шкуре прочувствовали ту горечь, которую пришлось испытать... другим, — он проглотил слова «истинному Жочэню» и, открыв дверцу «Тойоты», уселся на переднее сиденье. — О, вы починили зеркало?

— Его привели в порядок еще десять дней назад, — ответил Инцзюнь. — Ты был слишком занят учебой и не заметил.

Жочэнь присмотрелся. Похоже, зеркало было совсем новым — оно сверкало чистотой и заметно контрастировало с довольно потрепанным кузовом машины.

— Сэр Гуань, а вы почему стали полицейским? — спросил Жочэнь, пристегивая ремень безопасности. — Неужели только потому, что ваш дядя — Комиссар полиции?

— Я тоже пришел ради мести, — буднично отозвался Инцзюнь.

Слушая звуки его голоса, наполнявшие салон, он невольно улыбнулся. То гнетущее чувство, что ситуация выходит из-под контроля, внезапно исчезло.

***

Казалось, переднее сиденье и впрямь предназначалось для Цзянь Жочэня.

Эта мысль заставила Инцзюня вздрогнуть. Он вдруг осознал, что в его голове происходит что-то странное. Он потянулся к ручнику, но вместо того чтобы тронуться, снова заглушил уже заведенный двигатель.

Инспектор повернулся к юноше. Жочэнь почувствовал на себе этот обжигающий, изучающий взгляд — тяжелый, словно навалившиеся со всех сторон горы. Он прищурился:

— Мы же просто разговаривали. Я не пытался вытянуть из вас секреты.

«Только не говорите, что у вас снова приступ подозрительности»

— Знаю, — коротко бросил Инцзюнь.

Он продолжал пристально смотреть на Жочэня, буквально сканируя его с головы до ног. Молодому человеку стало не по себе под этим взглядом; он поджал ноги под сиденье. Не понимая, чего хочет инспектор, Жочэнь попытался угадать его мысли по выражению лица, но тот будто заранее выстроил преграду — его лицо оставалось бесстрастной маской.

Жочэнь в конце концов просто откинулся на спинку кресла.

«Ладно, забудь. Бывает. Чем старше мужчина, тем больше у него причуд. Сэру Гуаню уже двадцать шесть, возраст близится к тридцати, так что это нормально»

После целого дня экзаменов глаза нещадно резало. Жочэнь несколько раз моргнул и решил просто закрыть их на пару минут. Но стоило ему сомкнуть веки, как накопившаяся за полмесяца усталость накрыла его с головой.

Он уснул.

Инцзюнь замер.

«Настолько мне доверяет? — он осторожно протянул руку и отвел прядь волос, прилипшую к щеке юноши. — Совсем не ждет подвоха?»

Волосы были прохладными и шелковистыми на ощупь, словно драгоценный кокон. Инспектор поспешно отдернул руку.

***

Жочэню удалось неплохо вздремнуть. Когда он открыл глаза, «Тойота» уже въезжала в подводный туннель. Он мельком взглянул на сосредоточенного Инцзюня, а потом прильнул к окну, разглядывая своды.

Восточный подводный туннель был построен еще в восьмидесятых, и плитка на его стенах местами выглядела довольно старой.

— Как думаете, — внезапно пробормотал Жочэнь, — куда Лу Цянь перевез груз? Может, его уже нет в Западном Цзюлуэ?

Может, они, как и герои этой истории, пересекли пролив и осели в другой части Сянгана?

— Он не бросит рынок Западного Цзюлуэ, — уверенно ответил Инцзюнь, бросая Жочэню упаковку влажных салфеток. — Там цены выше. Протри лицо, взбодрись. Мы почти на месте.

Жочэнь вытащил салфетку и принялся усердно тереть лицо, нещадно взъерошив волосы на лбу.

Инцзюнь только покачал головой. С таким изящным лицом — и так бесцеремонно обращаться с собственной внешностью... Умывался юноша точь-в-точь как заправский солдат.

Когда машина вынырнула из туннеля, яркий свет огней ударил в глаза. Жочэнь рефлекторно зажмурился, и в уголках его глаз выступила влага. Обычно это быстро проходило, но на этот раз перед глазами всё поплыло. Образы двоились, и как бы он ни моргал, навязчивое мерцание не исчезало.

Он потер веки кулаком. Инцзюнь, заметив это, перехватил его запястье свободной рукой.

— Не три. Что с глазами? Переутомление?

— Не знаю, — растерянно проговорил Жочэнь. — Надо будет как-нибудь зайти к врачу.

Странно. В прошлой жизни он учился куда интенсивнее, но никогда не страдал ничем подобным.

— Не «как-нибудь», — отрезал Инцзюнь, сворачивая на боковую улочку. — Сегодня поужинаем, а на обратном пути заедем в больницу.

В половине девятого «Тойота» затормозила перед баром «Лун Тин». Жочэнь с сомнением посмотрел на неоновую вывеску.

«Ужинать в баре?»

— С кем именно мы встречаемся? — спросил он, следуя за инспектором.

— Лю Цишан из НКК, Цзи Байлоу из Бюро криминальной разведки и мой информатор Хуан Юцюань.

Инцзюнь мельком оглянулся на улицу и, убедившись, что за ними нет слежки, потянул Цзянь Жочэня ближе к себе.

— Это наше место для встреч. Внутри довольно запутанные переходы, не отставай.

Он быстро убрал руку, но едва уловимый аромат цитруса еще мгновение щекотал ноздри. Инцзюнь опустил глаза, стараясь скрыть вспыхнувшее раздражение на самого себя. Подавив странный порыв, он коснулся рукава юноши и крепко взял его за предплечье.

— Мы здесь, чтобы обсудить «грязных копов».

<http://bllate.org/book/15833/1438782>